

Магия и мистицизм у Даниила Хармса

Борис З. Фаликов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Россия, Москва, falikov@yandex.ru*

Аннотация. Поэт-обэриут Даниил Хармс (1905–1942) создал свой собственный вариант оккультно-ориентального синтеза на манер того, что практиковал австрийский писатель Густав Мейринк (1868–1932), да и не он один. Оккультное миропонимание позволяет включить в подобный синтез любые религии от буддизма до православия, объединив их по принципу магической эффективности. Разница между синтезами Майринка и Хармса заключалась в том, что первый чередовал буддийские и оккультные посвящения в эпоху *fin de siècle*, когда они были в большой моде, а второй занимался этим лет десять-двадцать спустя, в Советской России, где подобные вещи преследовались атеистическим государством. Еще одним важным отличием было то, что Мейринк в своих произведениях выступал в роли миссионера, но действовал опосредованно, в то время как Хармс попытался напрямую преобразить мир, опираясь, как он верил, на магическую мощь авангардистской поэзии.

Ключевые слова: оккультизм, магия, каббала, авангард

Для цитирования: Фаликов Б.З. Магия и мистицизм у Даниила Хармса // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2022. № 2. С. 45–56. DOI: 10.28995/2658-4158-2022-2-45-56

Magic and mysticism of Daniil Kharms

Boris Z. Falikov

*Russian State University for the Humanities,
Russia, Moscow, falikov@yandex.ru*

The Oberiut poet Daniil Kharms (1905–1942) created his own version of the occult-oriental synthesis in the manner that the Austrian writer Gustav Meyrink (1868–1932), and not only him, practiced. The occult worldview makes it possible to include in such a synthesis any religion from Buddhism to Orthodoxy, uniting them according to the principle of magical effectiveness.

© Фаликов Б.З., 2022

The difference between the syntheses of Meyrink and Harms was that the former alternated between Buddhist and occult initiations during the fin de siècle era, when they were in great vogue. And the latter did that ten or twenty years later in Soviet Russia, where such things were persecuted by an atheistic state. Another important difference was that Meyrink acted as a missionary in his works, but did it indirectly, while Kharms tried to directly transform the world, relying on the alleged magical power of avant-garde poetry.

Keywords: occultism, magic, Kabbalah, avant-garde

For citation: Falikov, B.Z. (2022), "Magic and mysticism of Daniil Kharms", *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 2, pp. 45–56, DOI: 10.28995/2658-4158-2022-2-45-56

В дневниковых записях Даниил Ювачев, вошедший в историю литературы под псевдонимом Хармс, впервые упоминает о романе Густава Мейринка (1868–1932) «Голем» в 1926 г. Примерно в середине тридцатых он пишет Алисе Порет галантную записку с просьбой вернуть книжку, которую когда-то дал почитать ее брату¹. Роман с художницей, как известно, закончился печально, Алиса вышла замуж за другого, но Даниил преодолел гордость и попросил выслать «Голем» по почте. Книжку уже невозможно найти у букинистов, оправдывается он перед бывшей возлюбленной, теперь вы понимаете, как она мне необходима. Записка осталась неотправленной, ее нашли среди бумаг писателя (исследователи его творчества знают, что Хармс в отличие от своего друга Александра Введенского старался хранить все вышедшее из-под его пера), поэтому неизвестно, удалось ли ему заполучить назад вожеленную книгу. Однако в 1937 г. он включает Мейринка под почетным третьим номером в список любимых авторов. А потом еще и добавляет: «Сейчас моему сердцу особенно мил Густав Мейринк»².

Ясно, что «Голем» оставался в поле пристального внимания Хармса всю его короткую жизнь. Австрийский автор публиковал роман из номера в номер в ежемесячнике экспрессионистов "Die Weissen Blatter" (1913–1914), а в 1915 г. издал отдельно, книга о потустороннем пользовалась колоссальным успехом, несмотря на кровавую бойню Первой мировой войны, а может быть, и благодаря ей. Прекрасно разошелся и перевод на русский язык Давида Выгодского под редакцией Акима Волынского, вышедший

¹ РНБ. Ф. 1232. Ед. хр. 394.

² Запись от 14 ноября 1937 г. Цит. по: Горло бредит бритвою / Сост. и коммент. А. Кобринского, А. Устинова // Глагол. 1991. № 4. URL: http://lib.ru/HARMS/xarms_diaries.txt (дата обращения 21.01.2022).

в 1922 г., неудивительно, что Хармс не смог отыскать его в начале тридцатых в Ленинграде.

«Голем» по праву считается классикой оккультной литературы и переиздается по сей день. Экранизировать его начали еще немецкие экспрессионисты, «ужастики» по его мотивам регулярно выходят в разных странах и в наше время. Поэтому разговор о магических и мистических пристрастиях великого обэриута надо начинать с его любимой книги. Пристрастия эти разделялись и ближайшим кругом его друзей, но у Хармса они имели наиболее отчетливую форму. Сразу оговорюсь, что сам он не делал различия между мистикой и магией, включая их в свой обширный оккультный синтез. А оккультизм понимал так, как понимали его многие писатели и художники fin de siècle, разделявшие те же интересы, т. е. как тайную магическую традицию, восходящую к временам Моисея и Гермеса Трисмегиста. Разницы между оккультизмом и эзотеризмом он не видел, не будем и мы брать ее в расчет.

Дыхание костей

Густав Мейер, прославившийся под псевдонимом Мейринк, прошел через многочисленные оккультные увлечения belle époque, успев побывать и «братом Дагобертом» в немецком Ордене иллюминатов Леопольда Энгеля, и адептом британской «Золотой зари», где водил дружбу с братом Пердурabo – Алистером Кроули. Сохранилась и переписка Мейринка с одним из основателей «Зари» Уильямом Уинном Уэсткоттом³. В его собственном оккультно-ориентальном синтезе выделялись каббала и буддизм, умер он буддистом, получив в 1927 г. посвящение в одну из школ махаяны. Учение Будды и каббала в ее оккультном варианте, созданном во второй половине XIX в. во Франции, и стали идейной основой романа. Особую роль в сюжете сыграла колода карт Таро, которую впервые связал с каббалой французский оккультист Элифас Леви (Альфонс Луи Констан, 1810–1875). Как пишет современный исследователь Джейсон Ананда Джозефсон: «Согласно Леви, колода Таро является зашифрованным рассказом Египетского пророка Гермеса Трисмегиста и ключом к расшифровке других символических систем. Более того, каждый из старших арканов (22 козырей колоды. – Б. Ф.) связан с буквой еврейского алфавита, поэтому комбинации карт в верном порядке могут открыть каббалистические истины. По сути, Таро

³ Churton T. Aleister Crowley: the Beast in Berlin. Art, Sex and Magic in the Weimar Republic. Inner Traditions. Toronto, 2014. P. 78.

это истинная библия мага, которая не будучи спрятана, невидима нашему взору»⁴.

Роман, действие которого происходит в Пражском гетто, искусно построен как череда сновидений безымянного героя. Он случайно обменялся шляпой с неким Атанасиусом Пернатом, резчиком камней, и эта оплошность привела к мистическим последствиям – он отождествляется с Атанасиусом в своих снах. В первом сне к читающему про жизнь Будды Готамы Пернату приходит таинственный посетитель и вручает древнюю книгу, открывая ее на главе «Иббур». В каббале так зовется душа, оторванная от тела, она-то и может вселиться в другого человека. Но в отличие от диббука, который, овладев чужой душой, толкает ее к гибели, иббур играет положительную роль. Атанасиус, который вдруг ощущает внутреннее и внешнее сходство с загадочным пришельцем, проникается подозрением, что в него пытается вселиться Голем. Его догадку подтверждает архивариус Гиллель, к которому он обращается за духовным советом: «Знай, что человек, который посетил тебя и которого ты зовешь Големом, означает воскресение из мертвых внутри духа. Все на земле не что иное, как вечный символ в одеянии из праха»⁵. Как гласят многочисленные легенды, призрак человека, слепленного из глины пражским раввином и магически им оживленного, до сих пор пугает обитателей гетто. Но в жизни Перната он призван сыграть спасительную роль. Для него это хабал гармин («дыхание костей»), встреча с которым, по каббале, сулит бессмертие.

У Гиллеля есть юная дочь Мириам, чья мудрая наивность пленяет героя. Она живет ожиданием чудес, и Пернат устраивает ей эти чудеса, подкладывая в булочки золотые дукаты. Мириам простодушно делится с ним своей мечтой: жизнь ее только тогда обретет вечный смысл, когда она найдет свою мужскую половину и сольется с ней воедино, как в древнеегипетском культе Осириса. Символ этого магического единства зовется Гермафродитом.

Следуя прихотливой логике сна, Атанасиус бежит от опасности и оказывается в жилище без входа на Старосинагогальной улице. И понимает, что судьба привела его в дом Голема. В пыльной комнате царит адская стужа, чтобы укрыться от нее, Пернат надевает на себя старинный камзол, видимо, оставшийся от прежнего обитателя. Там он находит и истрепанную колоду карт Таро, на первой из которых – пагаде – изображен человек с поднятой вверх согнутой в локте левой рукой и правой, также согнутой в локте, опущенной

⁴ *Josephson J. A.* God's Shadow // *History of religions*. 2013. Vol. 52, no. 4. P. 322.

⁵ *Майринк Г.* Голем / Пер. Д. Выгодского. СПб.: Азбука, 2000. С. 75.

вниз (будто кто-то хотел нарисовать Алеф, первую букву еврейского алфавита). Но этот персонаж с остроконечной бородкой – вылитый он сам. «Номер двенадцатый должен изображать “повешенного”; – пробежало во мне что-то вроде воспоминания. Головой вниз?.. Руки заложены за спину?.. Я стал перелистывать: вот! Он был здесь»⁶. Этому пугающему символу – двенадцатому аркану Таро – предстоит сыграть решающую роль в его жизни.

По обычному обвинению Атанасиус оказывается в тюрьме и встречает там убийцу юной девушки-лунатика Амадеуса Ляпондера с нежным розовым лицом, похожим на кварцевую китайскую статую Будды. Амадеус делится с ним своей тайной: на 21-м году жизни он переродился, проснулся из обыденности в мир снов, который и есть истинная жизнь. И вы пробудитесь от сна пустой жизни, если сумеете порвать веревку рассудка и чувств, привязывающую вас к миру, – наставляет он Атанасиуса. Шанс у вас есть, вы уже учуяли «дыхание костей», встретили вашего двойника Голема.

Пернат в благодарность рассказывает о мечте Мириам найти свою половинку и соединить мужское и женское в вечном символе Гермафродита. Вы дали мне ключ к спасению, восклицает Ляпондер, я отправляюсь на казнь как на свадьбу. И Пернат понимает, что по ту сторону смерти он ждет встречи с убитой им девушкой.

Отпущенный из тюрьмы, Атанасиус вновь оказывается в комнате Голема, но вместо адского холода там бушует пламя. Однако он уже знает путь к спасению. Привязав к ноге канат трубочиста, он выбирается из зарешеченного окна и повисает головою вниз в позе повешенного. «Канат трещит. Волокна разрываются. Я падаю. Сознание гаснет во мне»⁷.

Герой пробудился к вечной жизни. Он больше не Атанасиус Пернат, но в инобытии ему предстоит лицом к лицу встретиться со своим сновидческим альтер эго. Это происходит в доме у последнего фонаря, ворота которого украшены изображением златоглавого Гермафродита. На ступенях к дому, похожему на храм, он видит прекрасную Мириам и Атанасиуса Перната, чье лицо зеркально отражает его собственное. Он встретил своего божественного двойника и его вечную возлюбленную, обрел бессмертие.

Перевернутый мир

Роман, написанный в экспрессионистской технике, прекрасно передающей атмосферу лихорадочного сна, стал центром духовной

⁶ Там же. С. 107.

⁷ Там же. С. 276.

жизни молодого поэта-авангардиста и сопровождал его всю дальнейшую жизнь. В дневниковой записи от 11 ноября 1926 г. он отождествляет себя с героем романа: «Я – Атанасиус Пернат»⁸. И выписывает из книги важнейшие для себя детали: архивариус Шемай Гиллель, Ляпондер – с лицом Будды, настоящий двойник – дыхание костей, «habal garmin». Далее следует этимология термина «таро»: tarok или tarot, то же, что еврейская Tora – закон, или древнеегипетское tarut – вопрошаемый, или зендское слово – tarisk – я требую ответа. Этимология заимствована из романа и является типичной оккультной интерпретацией связи колоды таро с каббалой, почерпнутой Мейринком из его многочисленных эзотерических штудий. Не чужд этим штудиям и молодой Хармс, в дневниках дается ссылка на французскую книгу *P. Piobb. Formulaire de Haute Magie*. Она была переведена И.К. Антошевым под редакцией И.К. Свешотна и выпущена в Санкт-Петербурге в 1910 г. под названием «Древняя высшая магия. Теория и практические формулы». Инициалы переводчика и редактора совпадают неслучайно, генерал-инспектор Иван Казимирович Антошевский был известен в оккультных кругах Петербурга в качестве адепта белой магии И.К. Свешотна и принимал активное участие в деятельности Ордена Мартинистов, основанного Папусом – Жераром Анкоссом (1865–1916)⁹.

Тоненькая книжка Пиобба была, вероятно, обнаружена Хармсом в его странствиях по петроградским букинистическим магазинам, где он, по свидетельству историка авангарда Николая Харджиева, скупал все, имеющее отношение к оккультизму и магии¹⁰. Это было общедоступное введение в эзотерические тайны, имелись в ней и сведения о каббале, которая наряду с «египетскими сокровенными преданиями» особенно важна для «изучающих оккультизм и магию». В связи с этим помещались «каббалистические сефироты» и буквы древнееврейского алфавита в их корреляции с картами Таро. Но главное, давались советы – как вызвать нужных духов, не гнушаясь и бесов, и добиться от них практической помощи.

⁸ Цит. по: *Герасимова А., Никитаев А.* Хармс и «Голем». *Quasi una Fantasia* // Театр. 1991. № 11. С. 37. Репринтное переиздание в журнале «Театр», № 37, 2019. Эта пионерская работа о влиянии Мейринка на творчество Хармса по сей день остается единственной. Пользуясь случаем, выражаю свою благодарность авторам.

⁹ *Яровая И.* Иван Казимирович Антошевский (1873–1917) – геральдист, генеалог, библиофил, коллекционер, оккультист. Семинар «Геральдика – вспомогательная историческая дисциплина». СПб., 2012. URL: <https://gerboved.ru/t/1267> (дата обращения 21.01.2022).

¹⁰ ОР РНБ. Ф. 12326. Ед. хр. 368.

Будучи большим нерешительным ребенком в обыденной жизни, в жизни духа Хармс предпочитал действовать, проявляя порой недюжинную волю, главное качество волхва. Поэтому рефлексирующей теософской магии русских интеллигентов предпочитал иногда грубую народную. В дневниковых записях 1926 г. рядом с французским названием книжки Пиобба содержится и такая выписка: «Для того, чтобы сделать грозу, надо в поле, в том месте, где растет трава паслен, сделать ямку в земле, присев над ней, омочить ее и сказать: «Во имя дьяв(о)ла, дождись!» И тотчас найдет туча, и будет дождь»¹¹. В своих магических поисках Хармс явно не пренебрегал и русским фольклором, недаром в дневниковом списке литературы за 1925 г. числится «Стыдливая барыня» А.Н. Афанасьева¹².

«Голем», думается, в немалой степени подкупил его тем, что под оболочкой модернистского романа в нем давались важные детали оккультной инициации, с которыми Мейринк был знаком не понаслышке. И Хармс их творчески развил, опираясь уже на опыт собственный. Герасимова и Никитаев обнаружили в его бумагах рисунок висельника с веревкой на ноге, явно заимствованный из романа. Но с одной существенной разницей – висельник перевернут, он не падает, а взлетает, перевернуто и дерево, к ветке которого он привязан, оно изображено корнями вверх. Рисунок снабжен следующей «пояснительной надписью»: «Я возьму ключ (речь идет о ключе Осириса, о котором говорится чуть раньше. – Б. Ф.), когда как учили нас наши бабушки, найду цветок папоротника, который цветет только один раз в год, в ночь накануне Ивана Купала. Но где растет этот цветок? Он растет в лесу под деревом, которое стоит вверх ногами. Ты идешь в большом дремучем лесу, но нет ни одного дерева, которое росло бы вверх ногами. Тогда ты выбери самое красивое дерево и влезь на него. Потом возьми веревку, привяжи один конец веревки к ветке, а другой конец к своей ноге. Потом спрыгни с дерева, и ты повиснешь вверх ногами и тебе будет видно, что дерево стоит вверх ногами <...>». Слева от рисунка сделана еще одна надпись: «Небеса свернутся в свиток и падут на землю; земля и вода взлетят на небо; весь мир встанет вверх ногами. Когда ты все это увидишь, то раскроется и зацветет цветок в груди твоей. Я говорю: это конец старого света, ибо я увидал новый свет»¹³.

¹¹ Цит. по: Герасимова А., Никитаев А. Указ. соч. С. 36.

¹² Горло бредит бритвою...

¹³ Цит. по: Герасимова А., Никитаев А. Указ. соч. С. 43. В публикации текст Хармса воспроизведен как в оригинале – в старой орфографии и с особенностями его собственной. Это важно для филологов-авторов. В моем религиозноведческом анализе я считаю возможным опустить эти детали.

Рискну предложить мою собственную интерпретацию рисунка и надписи. Окультиная каббала Мейринка дополнена здесь двумя новыми источниками: фольклорным и новозаветным. Народная магия, связанная с ночью Ивана Купалы, переплетается с апокалиптической картиной мира, взятой из Откровения Иоанна Богослова. Магический розовый цветок можно найти только под деревом, перевернутым вверх корнями, но в наступающие последние времена найти такое дерево несложно, потому что в гибнущем мире, где «небо скрылось, свившись как свиток» (Откр. 6:14), верх и низ поменялись местами. А это значит, что падение вниз в бездну иррационального, которое сулит спасение в оккультно-ориентальном синтезе Мейринка, обернется полетом вверх в аналогичной конструкции Даниила Хармса.

Синтез Хармса

Детство у Дани Ювачева было безоблачным, конечно, не таким привилегированным, как у другого петербургского мальчика старше его всего на 6 лет – Володи Набокова, но тоже с нанятой гувернанткой. В англофильской семье Набоковых, естественно, была английская бонна, у Ювачевых гувернантка учила немецкому. Потом Даниил доучивал его в Петершуле при храме св. Петра, но английский тоже знал с детства (по воспоминаниям сестры Е.И. Грицыной, к нему ходил учитель-англичанин) и играл на нем со своим псевдонимом. Как вспоминает Алиса Порет: «На одном из концертов он передал по залу более ста записочек следующего содержания: «Д.И. Хармс меняет свою фамилию на Чармс». Мне он объяснил, что по-английски Хармс значит – несчастье, а Чармс – очарование, и что от одной буквы зависит многое»¹⁴. Вера его тоже носила игровой оттенок, с детства он подражал в ней отцу, молился в той же позе, что и Ювачев-старший¹⁵. Сохранилось игровое отношение к религии и во взрослом возрасте.

Как вспоминает писатель Леонид Пантелеев, с которым Хармс и Введенский во многом сошлись на почве православия, он мог встать на колени на паперти и начать истово молиться. Пантелеев-

¹⁴ Порет А. Воспоминания о Данииле Хармсе / Предисл. В. Глоцера // Панорама искусств. Вып. 3. М.: Сов. художник, 1980. URL: <http://booksplim.ru/statya/alisa-poret-vozpominaniya-o-daniile-harmse.html> (дата обращения 21.04.2022).

¹⁵ Шубинский В.И. Даниил Хармс. Жизнь человека на ветру. М.: Corpus, 2015. URL: <http://www.d-harms.ru/library/daniil-harms-zhizn-cheloveka-na-vetru.html> (дата обращения 21.04.2022).

ва, который свою веру скрывал, это шокировало, но со временем он понял, что под театральный попой прячется глубоко, хотя и очень своеобразно верующий человек. В своеобразии Пантелеев включал и чрезмерную суеверность товарища, не уточняя, что он имеет в виду¹⁶. Можно предположить, что различные магические верования народного и оккультного толка, которые церковно-верующий Пантелеев считал суевериями.

Нужно сказать, что Ювачева-старшего, которому подражал сын, трудно назвать ортодоксом. Будучи народовольцем, приговоренным в юности к смертной казни за участие в подготовке покушения на Александра III, он утратил революционные чаяния, но обрел истовую веру в Христа. Казнь заменили каторгой, потом ссылкой в Сибирь, церковь он посещал регулярно и писал книжки на христианские темы, к примеру, «Между миром и монастырем» (1903), «Тайны царства небесного» (1910). Вместе с тем проявлял живой интерес к другим религиям, живя на Дальнем Востоке, собирал танки (буддийские иконы), в Ленинграде стариком посещал на иудейские праздники синагогу¹⁷. Эту религиозную широту подхватил у него и сын, который неслучайно в юности выписывал из «Голема» буддийские и каббалистические подробности. А повзрослев, подружился с Петром Калашниковым, который соорудил у себя в комнате буддийский алтарь и совершал перед ним обряды¹⁸. Хармс был частым гостем в Дацане в Старой Деревне, где находилось Тибетское представительство в СССР. Там он общался со знаменитым ламой Агваном Доржиевым и другими монахами и даже пытался учить тибетский и монгольский языки. Но осенью 1937 г. храм был закрыт, а монахи арестованы¹⁹. Увлекался Даниил и йогой, читал труды Йоги Рамачараки. «В апреле сего года я читал первую книгу Рамачараки “Основы мирозерцания индийских йогов”, – заносит он в дневник в ноябре 1926 г. – Только я прочел ее, пришел Шурка (Введенский. – Б. Ф.) и искушал меня. Я поддался искушению и сжег эту книгу. Потом каялся. Прошло несколько месяцев, я докатился до нехороших побуждений –

¹⁶ *Пантелеев Л.* Верую. М.: Советский писатель, 1991. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/494770-leonid-panteleev-veruyu.html> (дата обращения 21.01.2022).

¹⁷ *Шубинский В.И.* Даниил Хармс. 2015. URL: <http://www.d-harms.ru/library/daniil-harms-zhizn-cheloveka-na-vetru.html> (дата обращения 21.01.2022).

¹⁸ *Пантелеев Л.* Указ. соч.

¹⁹ *Кобринский А.* Даниил Хармс. М.: Молодая гвардия, 2008. URL: <http://www.d-harms.ru/library/kobrinskiy-daniil-harms.html> (дата обращения 21.01.2022).

заняться черной магией. Вот когда уже я хотел было приступить к действию, я нахожу вдруг книгу «Пути достижения индийских йогов». Это вторая книга Рамачараки. Теперь я опять рассчитываю заняться оккультизмом – истинным оккультизмом»²⁰. Рамачарака был американским теософом Уильямом Аткинсом, и его интерпретация йоги носила оккультный характер, но это только способствовало ее популярности на Западе. Похоже, Хармс вполне отдавал себе в этом отчет, отсюда его интерес к «истинному оккультизму». То, что он противопоставляет его «черной магии» – обычный ход оккультной литературы. Любой эзотерический наставник – от Е.П. Блаватской до хорошо знакомого Хармсу Папюса – выстраивает свою систему как оппозицию магии ложной, а то и «черной». Знал Хармс и о настоящем индуистском подвижнике Шри Рамакришне, наставнике Вивекананды, Индия – земля чудес – увлекала его, он о ней много читал²¹. Немаловажно и то, что он не только читал про индийские духовные практики, но и занимался ими, во всяком случае записывал в правилах жизни в ноябре 1927 г.: «Изучай и пользуй хатху и карму-йогу»²². Можно сказать, что он создал свой собственный вариант оккультно-ориентального синтеза на манер того, что практиковал на Западе его любимец Мейринк, да и не он один. Оккультное миропонимание позволяет включить в подобный синтез любые религии от буддизма до православия, объединив их по принципу магической эффективности. Скажем, в комнате Хармса висела знаменитая буддийская мантра «Ом мани падме хум», смысл которой он, по словам второй жены Марины, толком не понимал, но уверял ее, что это «святое и очень сильное заклинание»²³. В разное время на стенах его комнаты висели и Иверская икона Божьей Матери, и каббалистическая фраза из «Голема» – CHABRE AT ZEREN BOHER, которая в романе переводится «Союз питомцев внутреннего рассвета». Все эти совершенно разные вещи безусловно объединяла уверенность хозяина жилища в том, что они обладают магией, т. е. выступают в роли оберегов.

Высшей похвалой от Хармса православному обряду было утверждение о наличии в нем магии. «От Чуковского я зашел в Преображенский собор. Там служил епископ Сергей, – пишет он в дневнике от 22 ноября 1932 г. – Когда епископ надевает фиолетовую мантию с дивными полосами, то превращается просто в мага.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Горло бредит бритвою...

²³ *Глюцер И.И.* Марина Дурново: Мой муж Даниил Хармс. М.: ИМА-пресс, 2005.

От восхищения я с трудом удержался, чтобы не заплакать. Я простоял в соборе вечерню и пошел домой»²⁴.

Магическое начало в христианстве искали и дадаисты. Когда Гуго Баль совершал на сцене цюрихского кабаре Вольтер в 1916 г. знаменитый перформанс «Магический епископ», читая «стихи без слов», он неожиданно для себя «избрал каденцию церковного песнопения, стиль поминальной мессы католических церквей Востока и Запада»²⁵. Церковная магия усилила мощь африканской, которую дадаисты практиковали с помощью экзотических барабанов.

Разница между синтезами Мейринка и Хармса заключалась в том, что первый чередовал буддийские и оккультные посвящения в эпоху fin de siècle, когда они были в большой моде. А второй занимался этим лет десять-двадцать спустя в Советской России, где государственная идеология провозглашала добродетель безбожия, а немногие единомышленники Хармса практиковали буддийские, индуистские и оккультные обряды, кто подпольно, а кто уже и в ссылке или лагере. Тот же Петр Калашников, который проходил с Хармсом по одному делу в 1932 г., был осужден за распространение религиозной и оккультной литературы. Судьба Агвана Доржиева сотоварищи тоже говорит сама за себя. Да и у самих поэтов при обысках чекисты изымали «книги мистического содержания», о чем с инквизиторской дотошностью записывали в протоколы.

Еще одним важным отличием было то, что Мейринк, рассказывая о своем мистическом и магическом опыте в романах, повестях и рассказах, выступал в роли миссионера, но действовал скорее опосредованно, в то время как Хармс попытался напрямую преобразить мир, опираясь на магическую мощь авангардистской поэзии. И в этом деле у него были именитые предшественники, причем не столько цюрихские дадаисты, чьи эксперименты вряд ли были ему хорошо известны, сколько поэты и художники русского футуризма²⁶.

²⁴ Горло бредит бритвою...

²⁵ Ball H. Die Flucht aus der Zeit. Munchen: Duncker & Humblot, 1927. Цит. по русскому изданию: *Балль Х.* Бегство из времени / Вступ. статья, сост., пер. и примеч. В. Седелника // Вопросы литературы. 2007. № 4. С. 298.

²⁶ *Фаликов Б.З.* Величина качества: Оккультизм, религии Востока и искусство XX века. М.: НЛЮ, 2017. С. 60–101.

Информация об авторе

Борис З. Фаликов, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6; falikov@yandex.ru

Information about the author

Boris Z. Falikov, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; falikov@yandex.ru